

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕКСИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Адрес: Мексика 06140 г.Мехико, район: Иподромо Кондеса, квартал:
Куаутемок, проспект Хосе Васконселос 204.
Телефоны: 5516-0870, 5273-1305, Факс: 5273-1545
E-mail: embrumex@hotmail.com

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова "Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации" для "Дипломатического ежегодника 2008"

15-12-2008

Российским государством накоплен серьезный внешнеполитический капитал – он работает на страну, защиту национальных интересов. Российская дипломатия обрела твердое основание в успехах нашего внутреннего развития. Страна вернулась на мировую арену как ответственное государство, которое может постоять за международное право и за своих граждан. Если кто-то заблуждался на этот счет, то наши решительные действия в ответ на агрессию Грузии и грубое нарушение тбилисским режимом его международных обязательств должны были рассеять такие сомнения.

В зонах грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов Саакашвили и те, кто за ним стоял, решились проверить на прочность российскую власть и наших миротворцев. При этом нынешний грузинский режим вскрыл свою суть, вознамерившись вбомбить население Южной Осетии в подчинение своему диктату. Сразу после этого та же участь была уготована Абхазии. Этого не получилось и не могло получиться.

Как представляется, эта авантюра была спланирована в том числе таким образом, чтобы заставить нас встать на путь милитаризации и свернуть модернизацию. Действительно, нам пришлось реагировать на кризис на политическом и военном уровнях, но Президент Д.А.Медведев и Председатель Правительства В.В.Путин особо подчеркнули, что не будет никакой смены курса ни во внутренних, ни в международных делах.

Своим ответом на грузинскую агрессию Россия установила стандарт реагирования, который находится в полном соответствии с действующим международным правом, включая право на самооборону по статье 51 Устава ООН и наши конкретные обязательства применительно к урегулированию данного конфликта, а также с принципами умеренности и соразмерности. Действия России не преследовали иных целей чем те, которые диктовала необходимость обеспечения действенных гарантий невозобновления агрессии против Республики Южная Осетия и Республики Абхазия. Важнейший элемент таких гарантий – признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии и заключение с ними Договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот шаг стал неизбежным в условиях, когда после пресечения грузинской агрессии из Тбилиси стали раздаваться заявления о том, что «война не закончена», а из ряда западных столиц – о намерении «восстановить боеспособность грузинской армии». Последней каплей стало блокирование в Совете Безопасности ООН и ОБСЕ решений в поддержку плана Д.А.Медведева-Н.Саркози.

В более широком международном контексте обнажилась суровая реальность: не сработали ни сложившаяся архитектура европейской безопасности, ни взаимоотношения между Россией и США, хотя задолго до августа 2008 года мы не раз предупреждали Вашингтон и европейцев о подготовке в Тбилиси силового сценария. Резкое пробуждение к действительности вскрыло подлинную ситуацию в мире, которая ничего общего не имеет с широко распространенными мифологией и иллюзиями.

В ситуации, вызванной попыткой Тбилиси решить конфликт посредством применения грубой военной силы, как в зеркале, нашли отражение все негативные моменты текущего этапа в развитии международных отношений, об опасности недооценки которых не раз предупреждала Россия, начиная с речи В.В.Путина в Мюнхене в феврале 2007 года.

Все развитие событий после 8 августа 2008 года подтверждает справедливость анализа, который содержался в выступлении Президента Д.А.Медведева на совещании послов и постоянных представителей 15 июля того же года. Президент, в частности, указывал на то, что мир, избавившись от «холодной войны», никак не может обрести новое равновесие. Что конфликтный потенциал, в том числе в районах, близких к границам России, достаточно высок. Что усиливается крен в сторону силовых методов. В ход идут политические провокации, разного рода «революции», циничная практика двойных стандартов. И, наверное, не случайно, что в дела других государств все чаще вмешиваются те, у кого не очень ладятся дела у себя дома. Упрощенно, в духе логики «как хочу, так и ворочу», трактуется сложная диалектика принципов территориальной целостности и права наций на самоопределение.

В отсутствие равновесия: кризис на Кавказе

Кто-то захотел «разморозить» замороженные конфликты. Теперь мы можем судить о результатах. Нет худа без добра. Нынешняя ясность лучше любой неопределенности и двусмысленности. Южная Осетия и Абхазия стремились не к независимости вообще, а именно к независимости от той Грузии, в руководстве которой почему-то постоянно верх одерживала шовинистическая тенденция по отношению к этническим меньшинствам.

Для нас признание их независимости продиктовано в равной мере правовыми, нравственными, а также прагматическими соображениями. Прежде всего это – обеспечение эффективной безопасности этих народов. Мы защищали высшую ценность – право на жизнь, равно как и право на развитие.

Режим Саакашвили совершил преступление, в том числе против собственного народа. Ситуация в свое время была хорошо описана Ф.М. Достоевским. Разница только в том, что теперь этот кто-то, возомнивший, что он не «тварь дрожащая, а право имеет», органически не способен к покаянию. И если признавать этот режим демократическим, то есть представляющим волю электората, то он своими действиями потерял для Грузии Южную Осетию и Абхазию.

Нам постоянно говорят, что демократии не воюют. Почему же на путь войны встал режим, сертифицированный кем-то как демократический? Думаю, надо начать с того, чтобы дать самому грузинскому народу, с участием оппозиции, с открытием доступа ко всем запрещенным ныне СМИ, прояснить, что же в конечном счете произошло и почему это стало возможным.

Мы глубоко уважаем грузинский народ. Убеждены, что его мудрость в конечном итоге приведет к власти правителей, которые будут руководствоваться его коренными интересами, а не разработанными за тридевять земель виртуальными геополитическими проектами, и которые смогут обеспечить, чтобы Грузия жила в мире и добрососедстве со всеми народами Кавказа.

Люди, живущие в конфликтных регионах на постсоветском пространстве, не по своей вине оказались в «серой зоне», зачастую так и не став гражданами государств, которые возникли вследствие распада Советского Союза. Непонятно, почему те, кто буквально на каждом углу говорят об *ответственности по защите, о безопасности личности*, забыли об этом, когда дело коснулось части пространства бывшего Советского Союза, где власти начали убивать ни в чем не повинных людей, апеллируя к суверенитету и территориальной целостности. В Южной Осетии для нас речь шла о защите наших граждан непосредственно на границах России, а не на Фолклендских островах.

В действиях России были реализованы фундаментальные требования нашей Конституции, положения Устава ООН, обязательства по международным

соглашениям, заключенным в начале 1990-х годов и установившим режим прекращения огня и урегулирования конфликтов, развязанных в результате нападения Грузии на Цхинвал и Сухум после распада СССР.

Мы не можем считать людей некой «принадлежностью» чьей бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей, переходить под суверенитет того или иного государства в нарушение принципов международного права. Тем более, что власти Тбилиси, провозгласив в 1991 году независимость, сославшись на советский Закон о выходе союзных республик из состава СССР, отказали автономиям на территории Грузинской ССР в праве самим решить свою судьбу, как этого требовал тот же самый Закон.

Суверенитет, единственным источником которого является народ, предполагает ответственность. Прежде всего – ответственность перед собственными гражданами, обеспечение их прав и свобод, включая права национальных меньшинств.

Обладание суверенитетом предполагает обязанность соответствующего государства воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих проживающие на его территории народы их права на самоопределение, свободу и независимость. Отдав приказ бомбить Цхинвал и запланировав применение силы в Абхазии, режим М.Саакашвили погряз эту норму международного права, закрепленную в Декларации ООН 1970 года, и сам подорвал территориальную целостность своего государства.

«Ближнее соседство» России

Для нас пространство СНГ – не «шахматная доска» для разыгрывания геополитических партий и не какая-нибудь «дуга недоверия». Это – общий для всех живущих здесь народов цивилизационный ареал, хранящий наше историческое и духовное наследие. Наши география, экономическая взаимозависимость, цивилизационно-культурная общность дают всем странам Содружества ощутимые конкурентные преимущества. И интеграционные императивы глобализации заявляют здесь о себе с не меньшей силой, чем в других регионах мира.

Поэтому не можем согласиться, когда исторически обусловленные *взаимопrivилегированные отношения* между государствами на пространстве бывшего Советского Союза пытаются выдать за некую «сферу влияния». Если принять такую логику, то под это определение подпадают Европейская политика соседства, «Восточное партнерство» и многие другие проекты Евросоюза, не говоря уже о проектах НАТО, решения по которым принимаются без участия России, без участия стран, на которые они распространяются. А в обсуждениях по статусу Косово наши европейские партнеры постоянно апеллировали к тому, что Балканы – «европейская проблема», настаивая на особых,

привилегированных интересах Евросоюза в этом регионе, причем – не взирая на позицию Сербии.

Не только у России есть привилегированные интересы, прежде всего, в отношениях с нашими ближайшими соседями, но и у них в России есть такие же привилегированные интересы. Не понимать это и пытаться разрушать то, что зиждется на совместной объективной истории, на взаимозависимости и взаимопереплетении экономик, инфраструктуры, культуры, гуманитарных сфер жизни – значит идти против истории.

К сожалению, многие наши западные партнеры не смогли по достоинству оценить *постмодернистские* по своей сути и очищенные от идеологии тенденции на пространстве СНГ, основанные на стремлении использовать общие ценности, совместный потенциал и наследие в интересах наших народов. Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС, ОДКБ – это не блоковые, а интегрирующие организации. Отношения в них имеют свою цивилизационную специфику – здесь не давят друг на друга, не выкручивают руки, что далеко не всем на Западе дано понять.

Риторика последних лет мешает видеть и то, что именно усилиями России удалось свести до минимума – по историческим меркам – негативные последствия распада Советского Союза. Объективный взгляд на вещи замутняется предрассудками прошлого – поэтому мы говорим о негативной роли застрявших в прошлом *советологов* в выработке политики ряда западных стран по отношению к сегодняшней России.

Почему единая Европа должна строиться из одного центра, а не на нескольких площадках одновременно? Стремление «растачить по кускам» постсоветское пространство и подмять его под себя слишком уж напоминает большевистский метод «зачистки места» для нового строительства («до основанья, а затем...»). Такой метод вольно или невольно направлен на то, чтобы сохранять разделительную линию в Европе и передвигать ее все ближе к российской границе, а мы хотим эту линию ликвидировать, как это было согласовано в ОБСЕ и как об этом мы, по крайней мере, на словах договаривались с ЕС и НАТО. Более того, курс на отрыв от России ее соседей на путях создания национальных государств образца XIX века сулит всей Европе не постмодернистские перспективы, а возвращение в прошлое с его разрушительным национализмом. Одни и те же стандарты, отвечающие требованиям XXI века, включая права нацменьшинств, должны универсально применяться на всем евроатлантическом пространстве – тогда и не будет вопросов о том, в каком веке мы живем.

Указанные негативные моменты нашли свое закономерное выражение в грузинской попытке силой, то есть не по-европейски, решить конфликт в Южной Осетии. Сюда же следует отнести и исторические экстраполяции в нацизм, ставший вершиной саморазрушения Европы, которое удалось предотвратить при решающей роли советских воинов.

В целом, сфера взаимо-привилегированных отношений не имеет географических пределов, что полезно знать тем, кто хотел бы замкнуть Россию в «скорлупу» постсоветского пространства, к тому же искусственно навязав нам здесь вязкое противостояние. Это – любая страна в любом районе мира, включая Европу, Ближний и Средний Восток, Африку и Азиатско-Тихоокеанский регион, где помнят друзей, где нас ждут и где есть готовность к тесному взаимовыгодному и равноправному сотрудничеству. Ярким выражением такого подхода стали итоги визитов Д.А.Медведева в четыре государства Латинской Америки и Карибского бассейна (Перу, Бразилия, Венесуэла и Куба), равно как и осуществленные в прошлые годы поездки В.В.Путина на Ближний Восток и в Африку. Как отмечал Президент, налицо элементы привилегированности (например, в сфере стратегической стабильности) и в наших отношениях с США.

«Аудит» европейской архитектуры

События августа имели далеко идущие последствия, в том числе для евроатлантической политики. Действительно, как сказал Президент Н.Саркози, «карты пересдали». Разумеется, кавказский кризис не сделал мир полицентричным в мгновение ока. Однако он показал предельно убедительно, что *однополярного мира* не существует. Бремя доказательств относительно реализуемости этой идеи на практике лежало на ее авторах. Когда нам пришлось реагировать на грузинскую агрессию, у нас не было на уме ничего геополитического. Мы спасали людей. Геополитические последствия стали естественным побочным продуктом этой ситуации. Если кто-то считает, что понес геополитический ущерб, то это из области *самопоражения* – как гол, забиваемый в собственные ворота.

Было бы трудно более наглядно, чем это сделал режим Саакашвили, высветить несостоятельность всей европейской архитектуры безопасности. Фрагментированная, с претензией на натоцентричность, она не смогла предотвратить ни военную авантюру, ни подготовившие ее поставки тбилисскому режиму – вопреки кодексам ЕС и ОБСЕ и Вассенаарским договоренностям – огромного количества наступательных вооружений. Очевидно, что после кавказского кризиса в евроатлантической политике уже не получится вести дела, как если бы ничего не случилось.

В Европе до сих пор не создано такой системы коллективной безопасности, которая была бы открытой для всех и обеспечивала всем равную безопасность. Европе нужна позитивная, а не негативная повестка дня. Для начала было бы неплохо посмотреть, адекватны ли сегодня созданные когда-то структуры и механизмы коллективно согласованным ранее принципам или надо думать о строительстве новой европейской архитектуры, прочно гарантирующей нерушимость послевоенных границ и в то же время учитывающей реалии XXI века. Пусть это будет называться «аудитом».

Президент Д.А.Медведев выступил с инициативой заключения Договора, который обеспечивал бы подлинно всеобщую систему коллективной безопасности в Евро-Атлантике, и запуска этого процесса на панъевропейском саммите. В этом контексте предстоит честно поговорить о том, почему не выполняется закрепленный в Совете Россия-НАТО принцип о недопустимости обеспечения своей безопасности за счет безопасности других, рассмотреть проблемы, возникшие в связи с кризисом ДОВСЕ, планами размещения элементов глобальной ПРО США в Восточной Европе, договориться о единых стандартах в подходах к урегулированию конфликтов. В отсутствие разумного многостороннего диалога мы будем вынуждены сами реагировать на новые угрозы, но в соответствии с международным правом и принципом разумной достаточности. О принятых на этот счет решениях Президент Д.А.Медведев объявил в своем Послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года. Но мы предпочли бы заморозить все односторонние планы и начать коллективную работу по проблемам европейской безопасности – разумеется, на равноправной, а не блоковой основе.

Не мы подвергаем испытанию всю нынешнюю архитектуру европейской безопасности. Ее системные дефекты очевидны. НАТОцентризм по определению отрицает создание подлинно универсальной системы коллективной безопасности в Евро-Атлантике, искусственно тормозит честные дискуссии о тех проблемах, которые обнажил кавказский кризис.

Уверен, что это прекрасно понимают в Европе. Именно Европа, наученная своим историческим опытом, пройдя через национальные катастрофы, ближе других подошла к тому, чтобы переформулировать смысл своего существования в подлинно глобальном, *коллективистском* ключе, когда все мировые проблемы – свои. Национальный эгоизм уже не срабатывает.

Д.Г.Лоуренс справедливо заметил, что «в Первой мировой войне проиграла вся Европа». Нет сомнений в том, что во Второй мировой войне вся Европа и весь мир одержали победу. Об этом фундаментальном различии нельзя забывать. Любой ревизионизм в духе нравственного релятивизма означал бы не только предательство памяти погибших, но и серьезно увеличивал бы угрозу нарастания в Европе опаснейших тенденций – таких, как неофашизм, национализм, ксенофобия, исламофобия.

Думаю, что Европу, знакомую с преимуществами денационализации оборонной политики, не надо убеждать в пользе совместных действий в военно-политических вопросах. Внесенные В.В.Путиным в июле 2007 года предложения о коллективном противодействии общим ракетным угрозам безопасности остаются в силе, что подтвердил Д.А.Медведев, выступая в Совете по международным отношениям в Вашингтоне 15 ноября 2008 года.

Нельзя не признать, что в европейской политике образовалась «длинная повестка дня». Все ее «пункты» позволяет рассмотреть в комплексе идея нового раунда общеевропейского процесса. Ее растущую актуальность мало кто мог

предвидеть, когда Президент Д.А.Медведев выступил с этой идеей в Берлине 5 июня 2008 года. Сейчас главное – воздерживаться от любых односторонних действий. Они только увеличат груз проблем, которыми все равно придется заниматься.

Мы открыты для обсуждения иных плодотворных идей, которые приближали бы наше общее будущее. Но их нет. Говорят лишь, что наша инициатива о новом Договоре панъевропейской безопасности направлена на подрыв НАТО, на подмену всеобъемлющего характера безопасности, закрепленного в Хельсинкском Заключительном акте, за счет забвения гуманитарной корзины. Это абсолютно не так. Мы с самого начала разъясняем публично, что предлагаем пригласить к участию в разработке Договора не только все страны, но и все организации, которые функционируют на евроатлантическом пространстве в сфере безопасности, включая НАТО, ЕС, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ. Мы отнюдь не хотим подвергнуть сомнению согласованные основы деятельности ОБСЕ, в том числе гуманитарные. Просто мы убеждены, что в той сфере, которая называется «военно-политической безопасностью», накопилось слишком много весьма взрывоопасных проблем. Самое главное – на практике подрывается принцип неделимости безопасности, и этому сегодня нужно уделить первоочередное внимание. Когда России пытаются приклеить ярлык «ревизионистской державы», выступающей против статус-кво, было бы уместно задаться вопросом, о каком статус-кво вообще может идти речь после окончания «холодной войны», на фоне объективного формирования *полицентричной международной системы* и нынешнего глобального финансового кризиса. А с другой стороны, стремление – вопреки всем обещаниям – к безудержному приближению военной инфраструктуры к границам России, включая создание новых военных баз, развертывание ТПП ПРО США в Восточной Европе, подспудные попытки милитаризации Черного моря в нарушение Конвенции Монтрё – это разве «статус-кво»?

«Ремонт» европейской архитектуры надо ускорять. Альтернатива созыву панъевропейского саммита только одна – ее дальнейшая деградация. Требуется политическая смелость. Истина рождается в спорах. Мы не уйдем далеко, если не обязуемся раз и навсегда все решать в Евро-Атлантике коллективно.

Дальнейшее расширение НАТО на Восток создает сложности для нас и всей евроатлантической политики. Некоторые новые члены привносят с собой отжившую конфронтационную идеологию, что тянет альянс в его прежнее состояние времен «холодной войны». Их пытаются в этом перещеголять отдельные претенденты на членство. Эти страны просто опоздали вступить в старую НАТО.

Совет Россия-НАТО создавался на основе прогрессивного принципа: у каждой страны равный голос, однако на практике этот принцип так и не заработал, все равно получалось «26+1». С этой нестыковкой нужно что-то делать. Независимо от кавказского кризиса и попыток «наказать» Россию посредством замораживания некоторых видов сотрудничества, разговор на эту тему все

равно назревал. На саммите Россия-НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года не удалось принять совместную декларацию, потому что одна страна отказалась подтвердить принцип, закрепленный в основополагающих документах СРН и гласящий, что никто не должен обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других.

Нам не хотелось бы, чтобы НАТО превратилась в своего рода «отдушину» для выброса агрессивных инстинктов и конфронтационных настроений – без особых последствий для практической политики.

Мы рады, что урегулирование кавказского кризиса предоставило серьезный предмет для нашего взаимодействия с Евросоюзом в региональных делах. По сути, найдено *европейское решение* проблемы, вследствие чего укрепляется единство ЕС на трезвой, прагматической основе. Это отвечает общей тенденции к *регионализации глобальной политики*, когда государства все больше и больше берут на себя ответственность за дела в своих регионах и не хотят следовать советам издалека. Кстати, так был урегулирован острый этап кризиса в Зимбабве (хотя там еще предстоит достичь договоренности о конкретном составе правительства, чему опять же пытаются помешать внерегиональные игроки). Усиливаются голоса в пользу поиска *региональных решений* для ситуаций в Ираке и Афганистане.

Очевидно, что в глобальной и региональной политике, прежде всего в Евро-Атлантике, сохраняется *остаточная биполярность*. Она объективно обусловлена в сфере стратегической стабильности, которая пока по-прежнему в решающей степени является производной российско-американских отношений. Но есть вопросы, где биполярность навязывается искусственно. Это наблюдается в попытке уходящей администрации США монополизировать диалог с Россией по преодолению кризиса, возникшего из-за отказа стран НАТО ратифицировать адаптированный ДОВСЕ. Конечно, в итоге решать судьбу Договора должны будут все участники, но ясно, что ведущие страны Европы вполне могут и должны внести свой вклад в подготовку почвы для полномасштабных переговоров. Кстати сказать, и в политике европейских игроков на Кавказе отношения с Грузией были по сути отданы на откуп далекой столице. Именно поэтому, на мой взгляд, в Европе «проспали» кавказский кризис. Хорошо, что инициатива Президента Франции Н.Саркози, поддержанная Евросоюзом, исправляет ситуацию.

Начавшиеся 15 октября 2008 года в полном соответствии с договоренностями президентов Д.А.Медведева и Н.Саркози и преодолевшие первые трудности дискуссии в Женеве, которые являются «статусно нейтральными», дают возможность Евросоюзу внести свой вклад в стабилизацию и реабилитацию Закавказья. Более того, участие в женевских дискуссиях американской стороны расширяет возможности для тройственного взаимодействия – с участием России, Евросоюза и США.

Россия и США: общее будущее?

Позитивная программа российско-американских отношений изложена в Концепции внешней политики России и выступлении Президента Д.А.Медведева в Совете по международным отношениям в Вашингтоне.

В свое время США ответили президентством Дж.Кеннеди на интеллектуальные, военно-политические и технологические вызовы той эпохи. Ситуация повторяется. Америке предстоит признать реальность «постамериканского мира» и начать адаптироваться к нему.

Все другие ведущие страны, включая Россию и государства Европы, уже вступили в процесс глубоких преобразований. Что касается России, перемены были навязаны нам известными обстоятельствами в начале

90-х годов прошлого века. США же в течение значительного периода времени имели возможность выбирать: либо признать необходимость перемен на основе трезвого анализа, либо ждать, когда они нагрянут – уже как суровая необходимость.

Доминик Моиси пишет в «Форин Аффэрс», что «Новая Америка, в которой нуждаются сегодня как сами американцы, так и остальной мир, является ни чем иным, как старой Америкой, которая была потеряна» и что американцам придется перестать «чувствовать себя одинокими в своей мощи». Я бы добавил, что все нуждаются в Америке, которая не боится перемен, которая в состоянии понять, что ничто не дается навсегда, которая открыта миру и для свободных дебатов. Именно поэтому предвыборная программа Б.Обамы вселила столько надежд не только в Америке, но и в других странах. В эпоху глобализации предназначение *сильного государства* – не национальная мобилизация в целях внешней конфронтации, а роль *конструктивного генератора позитивных перемен* (как это было с *Новым курсом* в США и *реформами Александра II* в Российской империи).

Мы желаем Америке успехов на пути перемен, в том числе в международных делах. Мы знаем, что американцам придется принимать собственные решения и нагонять потерянное время. Но никто не сомневается в способности американцев к прагматизму. Надеюсь, что из процесса глубокой трансформации, который был анонсирован в качестве цели администрации Б.Обамы, Америка выйдет не страной, обуреваемой собственной исключительностью, а частью целого. Страной, признающей свою сопричастность к европейской истории, к общим делам и заботам человечества.

США – неотъемлемая часть европейской цивилизации. И сейчас, наверное, пришло время *вернуться в Европу*, то есть воспринять *мягкое* европейское мироощущение, сформировавшееся в том числе в период «холодной войны» без участия самой Америки.

Нужно время, чтобы со всем основательно разобраться и решить, что важнее. Мифология раздельной, блоковой безопасности в эпоху глобализации или – успех антитеррористической и антинаркотической борьбы в Афганистане и совместный анализ возможных глобальных последствий развития ситуации в Пакистане. Дальнейшая фрагментация балканских государств, виртуальные проекты и «игры с нулевым результатом» на Кавказе и в Центральной Азии или – солидарные усилия по стабилизации этих регионов в общих интересах.

Сегодня наши отношения переживают не самый простой период, есть принципиальные различия в подходах к целому ряду международных проблем, но главное – у нас, как отметил Президент Д.А.Медведев, *кризис доверия*. Без восстановления доверия не получится реализовать имеющиеся возможности для выстраивания конструктивного двустороннего взаимодействия на долгосрочной основе. История российско-американских отношений знает немало острых ситуаций – были времена и похуже. Но в конечном счете здравый смысл, прагматизм и особая ответственность наших держав за судьбы мира определяли выбор на уровне практической политики.

Мы готовы к полноформатному сотрудничеству с США. Настроены вести дела в предсказуемом и взаимовыгодном ключе, на основе равноправия и учета интересов друг друга в полном соответствии с одобренной в апреле 2008 года в Сочи Декларацией о стратегических рамках партнерства.

Как не раз заявлялось на самом высоком уровне, ничто не заставит нас втянуться в новую гонку вооружений. Да, нас отвлекли от созидательной повестки дня, нам придется делать выводы, в том числе и в плане своего военного строительства. Но никакой милитаризации страны, ее внешней политики не будет.

Российские стратегические силы сдерживания выполняют свои задачи на основе принципа разумной достаточности. Суть этих задач могут разъяснить и наши американские партнеры, которые последние 20 лет не прекращали модернизацию своих вооруженных сил, включая их стратегический компонент. Наши военные расходы составляют, по разным оценкам, от 5 до 13 процентов американских. Но даже они обременительны. Что верно, надо полагать, и для США, особенно в условиях нынешнего финансового кризиса.

Мы хотели бы сократить это бремя и поэтому предлагаем сделать практические выводы из того очевидного факта, что в глобализирующемся мире нельзя регулировать международные отношения военной силой. Критически оценив опыт последних десяти лет, надо просто вернуться к тем всеобщим ожиданиям в части «мирного дивиденда», которые стали закономерным следствием окончания «холодной войны». Это касается и продвижения к цели ядерного разоружения, и сохранения преимущества в процессе контроля над вооружениями.

Зацикленность на факторе военной силы – признак системного сбоя во внешней политике любого государства. Об этом в принципе говорили А.Тойнби, указывая на милитаризм как на средство саморазрушения империй, и М.Олбрайт, признавая, что весь замысел войны в Ираке сводился к демонстрации миру американской военной мощи.

В свое время Дж.Кеннеди говорил о необходимости выдержать *тест на империализм*. С этим связана и роль военно-промышленного комплекса в экономическом и общественно-политическом развитии. В современных условиях гонка вооружений отнюдь не гарантирует, как это было в 30-е годы, выхода из финансово-экономического кризиса. Сейчас есть более цивилизованные средства, чему, собственно, и был посвящен Вашингтонский саммит «двадцатки».

Могут ли Россия и США себе позволить или, точнее, может ли мир себе позволить дальнейшее отчуждение между нашими странами, которым Алексис де Токвилль предрек великое будущее? Должны ли это быть два отдельных будущих или, может быть, одна общая судьба?

Я глубоко верю в последнее.

Общество может быть понято другими лишь в той мере, в которой оно понимает себя. Россия начала заново сознать фундаментальные основы своего существования, вступила на путь преобразования. Джордж Кеннан мудро советовал не вмешиваться извне в подобные деликатные процессы. К сожалению, продолжение политики сдерживания и информационных войн против России составляет именно такое вмешательство, негативно влияя на наши отношения.

Россия и Запад

Любители «сдерживать» Россию, в т.ч. посредством «выяснения» с нами отношений на европейской почве, должны понять, что главными средствами сдерживания Москвы были идеология и обязательства по военно-политическим союзам времен идеологической конфронтации. От этого мы избавились. Вновь их нам никто не навязет. Ни с кем поспорить себя мы не дадим. Так же, как не согласимся на восстановление биполярной директории в евроатлантической политике.

Пришло время вспомнить о *вестфальских принципах* межгосударственных отношений, основываясь на национальных интересах и общих интересах международного сообщества. Принцип сопряженности национального и коллективного закреплен в качестве фундаментального и в Уставе ООН. Необходимо окончательно освободиться от груза многих десятилетий идеологизированных международных отношений, имея в виду не только «холодную войну», но и межвоенный период с его *фашистско-авторитарными*

шатаниями в подавляющем большинстве стран Европы. Тут не помешает побольше открытости в отношении архивов. В частности, по Мюнхенскому сговору, которому в 2008 году исполнилось 70 лет – неужели до сих пор есть что скрывать?

Логика истории подсказывает необходимость единства европейской цивилизации. И Россия, и США произросли из нее и занимались в значительной степени ее распространением на другие части света. Убежден, что фундаментальными характеристиками нового этапа мирового развития будут *синтез* различных моделей развития и *сосуществование* различных культур и традиций. Их баланс определит история. На примере евроатлантического региона мы видим, что история устраняет крайности – сначала опыт Советского Союза, затем либеральный капитализм в виде жесткой англосаксонской модели, нашедшей свое наиболее полное воплощение в опыте Америки. Трудно не обратить внимание на то, что оба эти явления (если применительно к США вести отсчет от Нового курса Ф.Д.Рузвельта) просуществовали по 75 лет.

Сегодня нужно доказывать способность к подлинному лидерству в решении глобальных проблем, будь то глобальная бедность, энергетическая и продовольственная безопасность или изменение климата. Как отметил В.В.Путин, выступая на заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в Астане 30 октября 2008 года, пришло время, когда «решение общемировых проблем должно стать частью национальных стратегий развития». Это потребует свежего взгляда на вещи, умения учитывать и интегрировать интересы всех групп государств.

И В.В.Путин в свою бытность Президентом (достаточно прочесть его статью, посвященную 50-летию Евросоюза в марте 2007 года), и Президент Д.А.Медведев, выступая в Берлине, а затем в Эвиане и Ницце, убедительно обосновали приверженность России *европейскому выбору*. Эта линия нашла свое воплощение в таких идеях, призванных обеспечить единство всей европейской цивилизации, как инициатива разработки Договора о европейской безопасности и *стратегическая открытость*, под которой мы понимаем реальное вовлечение Евросоюза в обсуждение проблем стратегической стабильности, до сих пор ограниченное диалогом Москвы с Вашингтоном. Наладив подлинное взаимодействие в «треугольнике» Россия-США-Евросоюз, можно было бы в корне изменить характер всей геостратегической ситуации в мире.

Уверен, что тот интеллектуальный дискурс, с которым будет сопряжен новый раунд общеевропейского процесса, не только поможет решить *европейские противоречия* (о них писал еще Ф.М.Достоевский) – ныне уже евроатлантические, но и будет способствовать выходу на общее понимание коллективной миссии нашего региона в современном мире.

Как и Россия, Евросоюз, похоже, стремится переформатировать свои отношения с США на основах равноправия. Поэтому речь будет идти о равностороннем

«треугольнике». На политико-психологическом уровне речь идет о новом толковании *атлантизма* – как *евроатлантизма*, включающего весь регион от Ванкувера до Владивостока.

Это мнение разделяют бывшие госсекретари США Г.Киссинджер и Дж.Шульц, которые в своей яркой статье в газете «Интернэшнл Геральд Трибюн» 1 октября 2008 года писали, что «даже в свете грузинского кризиса основополагающие интересы США, Европы и России сегодня в большей степени совпадают, чем когда бы то ни было в недавней истории». Им не менее эмоционально вторит бывший британский посол в Москве Р.Лайн: «Никогда еще со времен Второй мировой войны необходимость объединиться и действовать сообща не была так велика». Такую возможность нельзя упустить.

Налаживание равноправного взаимодействия России, Евросоюза и США стало бы важнейшим вкладом европейской цивилизации в формирование коллективного лидерства ведущих государств мира. Его востребованность убедительно продемонстрировал созыв саммита «двадцатки» в Вашингтоне, который не без оснований рассматривают как расширение «финансовой семерки» де-факто. Все большее число стран обретает экономический вес и влияние и вовлекается в историческое творчество в форматах различных форумов и интеграционных объединений, включая ту же «двадцатку», «восьмерку», Евросоюз, ШОС, БРИК.

Современный мир

Наш взгляд на современный мир, цели и задачи, которые преследует в нем Россия, четко сформулированы в Концепции внешней политики, утвержденной Президентом Д.А.Медведевым. На этой идейной основе сформировалась внешнеполитическая стратегия страны, отвечающая требованиям сложившейся в мире *качественно новой геополитической ситуации*. Наиболее полно она сформулирована в Послании Президента Д.А.Медведева Федеральному Собранию.

Мы никогда не согласимся с правовым нигилизмом в мировых делах, с отношением к международному праву как к «дышлу» и «уделу слабым», с любыми попытками «срезать углы» в ущерб международной законности, являющейся воплощением *нравственного начала* в отношениях между государствами. Действительно, международное право – наша *идеология* в международных делах. Мы, выражаясь словами Ф.И.Тютчева, хотим «раз и навсегда утвердить торжество права, исторической законности над революционным способом действия».

Кавказский кризис показал, что современные проблемы, включая урегулирование конфликтов и кризисных ситуаций, не имеют силовых решений. Нет альтернативы политико-дипломатическим методам с вовлечением всех сторон в целях достижения согласия. Поэтому мы будем и далее в рамках

действующих форматов предпринимать активные усилия по оказанию всемерного содействия приднестровскому и нагорно-карабахскому урегулированию с тем, чтобы помочь сторонам достичь согласия. Убежден, что вполне возможно найти взаимоприемлемые решения. Такая же возможность была и в отношении югоосетинского и абхазского конфликтов, однако Тбилиси похоронил ее, растоптав имевшиеся договоренности.

С окончанием «холодной войны» возникли предпосылки для утверждения принципов подлинной свободы в международном сообществе. Исчезли основания для блоковой политики. Возросла *многовариантность* в поведении государств на международной арене. Уже не срабатывают попытки навязать всем пресловутый принцип – или с нами, или против нас. Создаются условия для *полицентричного мира*, в котором государства движимы своими очищенными от идеологии национальными интересами и общим пониманием интересов коллективных. В этом – основа формирующейся новой, *саморегулируемой международной системы*.

Мы всегда будем отдавать предпочтение *многосторонней дипломатии*. Но если партнеры не будут готовы к совместным действиям, Россия для защиты своих национальных интересов будет вынуждена действовать самостоятельно, но всегда на основе международного права.

На прочной основе международного права, Конституции и законов России мы будем защищать жизнь и достоинство наших граждан, где бы они ни находились, поддерживать интересы российского бизнеса, развивать привилегированные отношения с друзьями России в различных регионах.

Думаю, что рано или поздно мы выйдем на признание необходимости *пересмотра всей международной повестки дня* с целью согласования ее подлинно коллективного варианта. Необязательно начинать с нуля – в конце концов, у нас есть для этого общая база в виде целей и принципов, закрепленных в Уставе ООН. Но без радикальной ревизии методов их воплощения в жизнь не обойтись, поскольку именно навязывание всем односторонне нарисованной на Западе картины развития мира в период с 1992 года, которая доказала свою полную несостоятельность, лежит в основе всех нынешних международных осложнений.

В наших общих интересах – преодоление углубляющегося глобального финансового кризиса. Россия приняла активное участие в Вашингтонском саммите «двадцатки», на котором был запущен процесс реформирования глобальной финансовой архитектуры, поддержанный на другом представительном форуме – саммите «Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества» в Лиме. Эта работа лишь началась, и она потребует времени. Уже запланирована еще одна встреча «двадцатки» в верхах. Проявляется интерес к такого рода обсуждениям также в рамках ООН. Необходимо и в финансовой сфере преодолевать противоречие между односторонним образом действий и коллективными интересами всего

международного сообщества. Чтобы быть легитимной и эффективной, новая архитектура мировых финансов должна быть открытой и справедливой, опираться на все имеющиеся *финансовые центры* и на *региональные валюты*, обеспеченные реальными ресурсами и реальным потенциалом экономического роста. Тут тоже требуется укрепление *регионального уровня управления* – иначе не обеспечить устойчивость новой системы.

Кризис предоставляет хорошую возможность для перефокусировки внимания всех основных игроков на реальные проблемы и может стать мощным катализатором в развитии перспективных тенденций *к прагматизму, демилитаризации и деидеологизации международных отношений*. Тесное взаимодействие в преодолении кризиса вполне могло бы создать условия и критическую массу доверия, необходимые для решения других проблем.

Более того, есть основания полагать, что создание *полицентричной финансовой архитектуры* будет решающим элементом реформы глобального управления: все остальное само встанет на свои места, а коллективный характер новой системы сведет до минимума возможность любого очередного *геополитического передела мира*.

В прошлом всегда, когда рушился очередной имперский порядок, международное сообщество стремилось к согласованию нового свода «правил игры», имея в виду ту или иную систему коллективной безопасности. Ответом на крах империи Наполеона был Венский конгресс. Изобретенная на нем система коллективной безопасности в Европе была разрушена Крымской войной с последующим объединением Германии под властью Пруссии и Первой мировой войной. Запад не смог создать всеобъемлющую систему коллективной безопасности в межвоенный период, когда не были гарантированы границы восточных соседей Германии. Крах Третьего рейха и поражение милитаристской Японии привели к созданию международным сообществом Организации Объединенных Наций, основанной на *полицентричном видении мира*, что нашло свое отражение, в частности, в принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности.

«Холодная война» с ее биполярностью, блоковой дисциплиной и идеологически мотивированным поведением государств отодвинула ООН на задний план, сильно исказив функционирование Организации. И только сейчас система ООН может работать согласно своему первоначальному предназначению. Для этого необходимо внести для всех ясность в вопрос о том, что существует единый свод правил поведения для всех государств.

Россия к этому готова. Ставя перед собой задачу раскрыть накопленный за последние годы потенциал и достичь нового качества во внутреннем развитии в интересах страны и ее граждан, мы будем активно способствовать формированию и реализации позитивной, объединительной международной повестки дня.

